

Джозеф Конрад

Тайный агент

Джозеф Конрад

Тайный агент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22146625

Аннотация

«Выйдя из дому утром, м-р Верлок оставил свою лавку на попечении брата своей жены. Никакого риска в этом не было, потому что вообще торговля шла очень тихо, особенно днем; редкие покупатели являлись только под-вечер. М-р Верлок вообще не придавал большего значения своей торговле; она служила больше для отвода глаз, прикрывая собой настоящее его занятие. К тому же, он мог быть вполне спокоен, так как кроме шурина оставалась дома и его жена...»

Джозеф Конрад

Тайный агент

I.

Выйдя из дому утром, м-р Верлок оставил свою лавку на попечении брата своей жены. Никакого риска в этом не было, потому что вообще торговля шла очень тихо, особенно днем; редкие покупатели являлись только под-вечер. М-р Верлок вообще не придавал большего значения своей торговле; она служила больше для отвода глаз, прикрывая собой настоящее его занятие. К тому же, он мог быть вполне спокоен, так как кроме шурина оставалась дома и его жена.

Лавка была маленькая, да и весь дом был небольшой. Такие угрюмые кирпичные дома рассеяны были в большом количестве по всем кварталам Лондона до того, как началось перестраивание города. Лавка занимала четырехугольное помещение. Входная дверь была закрыта весь день и только к вечеру таинственно приотворялась. В витрине выставлены были фотографические карточки сильно декольтированных танцовщиц; затем, пакетики с патентованными лекарствами и странные, туго набитые, заклеенные желтые конверты с обозначенной на них, густой черной краской, ценой в два с половиной шиллинга. На протянутой попе-

рек витрины веревочке висели как бы для просушки старые французские юмористические журналы. Затем еще были разложены в витрине канцелярские принадлежности, бутылочки с чернилами для метки белья, каучуковые штампы, несколько книг, заглавия которых возвещали непристойность содержания, старые номера неведомых, плохо напечатанных газет под вызывающими заглавиями: «Горящий факел», «Призывный Колокол». Два газовых рожка в витрине горели очень слабо – может быть, из экономии, а может быть, в интересах покупателей.

Обычными покупателями были или очень молодые люди, которые обыкновенно долго стояли у окна и потом только украдкой пробирались в лавку, или же люди почтенного возраста, видимо сильно опустившиеся. У них воротник был обыкновенно поднят до ушей, а платье было потертое и забрызганное грязью. Ступали они, большей частью весьма неуверенно, засунув руки глубоко в карманы. Они подходили к двери боком, выдвигая сначала одно плечо, точно боясь задеть колокольчик входной двери. А этого было трудно избежать. Колокольчик, подвешенный к двери посредством изогнутой стальной ленты, был надтреснут в нескольких местах, но по вечерам он немилосердно дребезжал, как только кто-нибудь приближался к двери.

Как только раздавался звук колокольчика, из-за покрытой пылью стеклянной двери за деревянным прилавком показывался м-р Верлок, выходя из задней комнаты. У него были

заспанные глаза с тяжелыми веками; можно было подумать, глядя на него, что он весь день валялся в платье на неприбранной постели. Всякий другой на его месте не решился бы показаться таким, так как в торговом деле очень важно, чтобы у продавца был обходительный, приятный вид. Но м-р Верлок знал своих покупателей и не церемонился с ними. Глядя в лицо покупателю дерзким и вызывающим взглядом, точно отвечая этим на ожидаемую брань и угрозы; он продавал какой-нибудь предмет, слишком явно не стоящий тех денег, которые за него уплачивались: какую-нибудь маленькую коробочку, как будто пустую внутри, или один из тщательно запечатанных желтых конвертов, или же книжку в загрязненной обертке с многообещающим заглавием. Изредка продавалась любителю и какая-нибудь из вылинявших декоративных танцовщиц.

Иногда на призывный звук треснувшего колокольчика появлялась м-сс Верлок, молодая женщина, довольно полная, в плотно облегающем ее платье, с гладко причесанными волосами. У неё был такой же пристальный взгляд, как у мужа, и она стояла за прилавком с непроницаемо-равнодушным видом. Покупатели юного возраста смущались при появлении женщины; некоторые с затаенным бешенством требовали бутылочку чернил для метки, платили за нее полтора шиллинга, вместо обычной цены в шесть пенсов и, выйдя из лавки, сейчас же бросали бутылочку в канаву.

Вечерние посетители – те, у которых воротники были

подняты до ушей, а поля мягких фетровых шляп спущены вниз, — кивали головой м-сс Верлок с видом хороших знакомых; пробормотав приветствие, они приподнимали доску в конце прилавка и проходили в коридор, из которого крутая лестница вела вверх. Дверь в лавку была единственным входом в дом, в котором м-р Верлок занимался своими разнородными делами, продажей подозрительных предметов, охраной общества и, кроме того, культом семейных добродетелей. Он был образцовый семьянин. Его духовные, умственные и физические запросы вполне удовлетворялись в домашней обстановке. Дома он жил спокойно и мирно, окруженный попечениями жены и почетом матери, м-сс Верлок.

Мать Винни Верлок была полная, коренастая женщина с широким смуглым лицом. Она носила черный парик и белую наколку. Опухшие ноги не давали ей возможности двинуться с места. Она гордилась своим французским происхождением. Овдовев после долголетнего супружества — муж её был оптовый торговец съестными припасами, — она содержала себя, дочь и сына тем, что сдавала меблированные комнаты в одном из фешенебельных кварталов Лондона. Дам она к себе не пускала. В виду удачно выбранного места, комнаты её были всегда заняты, но жильцы вовсе не принадлежали к аристократическому обществу. Дочь её, Винни, помогала ей вести хозяйство. Следы французского происхождения заметны были и в молоденькой дочери вдовы. Винни со вкусом причесывала свои блестящие черные волосы, у неё был

очаровательный цвет лица и она держалась с большим достоинством, но при этом вовсе не уклонялась от разговоров с жильцами и была чрезвычайно любезна, никогда, впрочем, не роняя себя этим. М-р Верлок, по-видимому, сразу почувствовал обаяние её чар. Занимая комнату у вдовы, он часто отлучался без всяких видимых причин. Он обыкновенно возвращался в Лондон с континента с несколько таинственным видом. Образ жизни его был не совсем обычный. Утренний кофе ему подавали в постель, и он обыкновенно не вставал до полудня, а иногда даже поднимался еще позже. Уходил он из дому поздно и возвращался уже рано утром. Когда Винни вносила ему в десять часов утра поднос с завтраком, он здоровался с ней с изысканной любезностью, но голос у него был охрипший, точно он много часов кряду говорил без умолку. Его выпуклые глаза с тяжелыми веками, смотрели на нее томным влюбленным взглядом.

Матери Винни м-р Верлок казался идеальным джентльменом, и она охотно согласилась выдать за него замуж свою дочь. Сразу же было решено, что вдова уже не будет больше сдавать меблированные комнаты. М-р Верлок заявил, что это было бы неудобно в виду других его дел. Какие это были дела, он не говорил. Он только сказал, что всю мебель можно перевезти к ним, и что мать его жены будет жить с ними. Сделавшись женихом Винни, он стал вставать до полудня и сходил вниз к матери своей невесты, которая, в виду своей немощи, сидела неподвижно в столовой. Он гладил кошку,

поправлял огонь в камине, ждал завтрака и потом еще сидел после завтрака с невестой и её матерью целые часы, чувствуя себя видимо очень хорошо в уютной домашней обстановке. Но поздно вечером он все-таки уходил. Он никогда не предлагал Винни повести ее в театр, как это сделал бы на его месте всякий другой молодой человек. Он говорил, что занят по вечерам, и однажды сказал Винни, что занятия его имеют отношение к политике. Он просил ее быть впоследствии любезной с его политическими друзьями, и она ответила согласием, глядя на него немym непроницаемым взглядом.

Что он еще сказал ей о своих занятиях – этого мать Винни никак не могла разузнать. После свадьбы дочери, она переселилась к ней. Перевезли и всю мебель. Жалкий вид лавки ее удивил. Переезд из широкого сквера в фешенебельном квартале Бельгравия в узкую улицу тесного квартала Сого сильно повредил её здоровью. Ноги её распухли до ужасающих размеров. Но зато она избавилась от всяких материальных забот. Добродушие зятя внушало ей полное доверие. Будущность её дочери была, очевидно, обеспечена, и точно также ей нечего было тревожиться и о сыне. Она, конечно, сознавала – этого нечего было скрывать от себя, – что бедный Стэви был большой обузой в жизни. Но в виду того, что Винни очень любила своего болезненного брата и что м-р Верлок был очень добрый, великодушный человек, она чувствовала, что ей нечего беспокоиться о своем сыне, что ему не будет скверно жить на свете. Она даже в глубине ду-

ши радовалась, что у Верлоков нет детей, тем более, что сам Верлок, по-видимому, не страдал от этого обстоятельства, а Винни привязалась с чисто материнской любовью к своему несчастному брату.

Трудно было пристроить к чему-нибудь бедного Стэви. У него был болезненный вид. Он был бы, собственно говоря, недурен собой, если бы не беспомощно опустившиеся углы рта. Его научили читать и писать, но применить своих знаний хотя бы к самому легкому делу он не мог. Он не годился на должность посыльного, так как забывал, куда и зачем его посылали. Вид какой-нибудь бродячей кошки или собаки так его увлекал, что он шел за нею на грязный двор. Или же он смотрел на уличные происшествия в ущерб интересам своего нанимателя. Если на улице падала лошадь, которую заставляли везти слишком тяжелую поклажу, он с диким криком врывался в собравшуюся вокруг происшествия толпу и возмущал своим отчаянием всех окружающих. Им было неприятно, что искренно выраженное сочувствие в несчастному животному мешало им спокойно наслаждаться обычным зрелищем. Когда его уводил какой-нибудь важный с виду полицейский, то часто оказывалось, что бедный Стэви забыл свой адрес – по крайней мере на время. От неожиданно предложенного вопроса он начинал весь дрожать. От всякого испуга у него перекашивались глаза. Но ясно выраженных нервных припадков у него не было. В раннем детстве, когда на него начинал кричать отец, раздражаясь его придур-

коватостью, он бежал к сестре и прятался, уткнув голову в её передник. Вместе с тем иногда могло казаться, что в мальчике много скрытого упрямства и злости. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, друг его умершего отца доставил ему место мальчика в одной конторе. Но однажды, в туманный день, его застали в отсутствие хозяина за совершенно неожиданным занятием. Он устроил фейерверк, и вся лестница наполнилась дымом и треском пущенных им ракет. В конторе поднялась настоящая паника. Служащие разбежались по корридорам, темным от дыма, и мчались, как безумные, вниз по лестнице. Но, по-видимому, Стэви вовсе не испытывал удовольствия от своей шалости. Очень трудно было добиться у него объяснения причин, побудивших его выкинуть такую штуку. Только гораздо позже Винни вынудила у него туманное признание. Оказалось, что два других конторских мальчика разжалобили его рассказом о несправедливом обращении с ними и довели его этим до бешенства, вызвавшего акт мести. Конечно, его тотчас же прогнали за его проделку, и в награду за свой альтруистический подвиг Стэви принужден был мыть посуду в кухне и чистить сапоги жильцам своей матери. Иногда он получал за это какую-нибудь мелочь от жильцов; наиболее щедро награждал его м-р Верлок. Но заработки его все таки были самые ничтожные, и когда Винни объявила матери о своей помолвке с м-ром Верлоком, мать её вздохнула, думая о судьбе бедного Стэви. Оказалось однако, что м-р Верлок ничего не имел против

того, чтобы забрать к себе и брата жены, вместе с её матерью и с мебелью, составлявшей все состояние семья. М-р Верлок готов был прижать всех к своему широкому любящему сердцу. Мебель расставили по всему дому, а матери м-сс Верлок отведены были две здания комнаты первого этажа. Несчастный Стэви спал в одной из этих комнат. В это время у него появился на нижней губе легкий золотистый пушок. Он со слепой любовью и покорностью помогал сестре в домашних делах, а в свободное от работы время занимался рисованием кругов на бумаге при помощи карандаша и циркуля. Он предавался этому занятию с большим рвением, сидя у кухонного стола, широко разложив локти и близко нагнувшись к бумаге. Через открытую дверь комнаты за лавкой сестра его от времени до времени глядела на него с материнской заботливостью.

II.

Таков был дом, такова была домашняя обстановка, а также лавка м-ра Верлока, выйдя из которой в половине одиннадцатого утра, он направился в западную часть города. Час этот был для него необычно ранним. Во всем его существе чувствовалась какая-то особая свежесть. Синее пальто было расстегнуто, сапоги блестели, свежесбритые щеки лоснились, и даже глаза с тяжелыми веками, освеженные безмятежным сном, имели сравнительно оживленный вид...

Сквозь решетку парка он видел мужчин и дам, едущих верхом, то парами, то группами в несколько человек, совершающих вместе утреннюю прогулку. Проезжали и всадники, ехавшие в одиночку; у них были большей частью неприятные угрюмые лица. Проезжали женщины, за которыми следовали издали грумы с кокардами на шляпах и с кожаными поясами на плотно обтягивающих их ливреях. Проезжали коляски с полуопущенным верхом, из-под которого выглядывали женщины в больших шляпах. На коленях у них лежали дорогие меховые полости. Все это окутывал яркий с красноватым отблеском свет лондонского солнца. Даже земля под ногами м-ра Верлока имела золотистый отлив. М-р Верлок шел среди золотистой атмосферы, среди света без теней. Медно-красные отблески падали на крыши, на углы стен, на экипажи и на широкую спину м-ра Верлока, придавая ржавый вид его пальто. Но м-р Верлок не замечал этого. Он глядел с чувством удовлетворения на роскошь, мелькавшую перед его взорами за решеткой Гайд-Парка. Все эти люди нуждались в охране. Охрана – самая насущная потребность богатства и роскоши. Всех этих людей, катающихся по парку перед завтраком, необходимо оберегать. Нужно оберегать их лошадей, их экипажи, их дома, источники их богатств, весь общественный строй, благоприятствующий их гигиеничному безделью. Всему этому угрожает зависть трудящихся классов. Оборона необходима, – и м-р Верлок радовался бы тому, что причастен к столь полезному делу, – если

бы не его органическое отвращение от всякого лишнего труда. Его лень была не гигиеничной, но органической, связанной со всех его существом. Он был, фанатический приверженец безделья. Родители его были люди трудящиеся, и он был рожден для трудовой жизни, но полюбил праздность исключительной властной любовью – как человек привязывается в одной какой-нибудь женщине из тысячи других. Он был слишком ленив даже для роли оратора на рабочих собраниях. Даже говорить было для него лишним усилием. Ему хотелось пребывать в полном бездействии, – может быть, он был жертвой философского скептицизма и не верил в производительность какого бы то ни было человеческого усилия. Такой род лени требует некоторого ума, – и м-р Верлок был не глуп. Думая об «охране существующего строя, которому грозит опасность», он готовь был сам иронически подмигнуть себе. Но это выражение скептицизма требовало все-таки некоторого напряжения, а его большие выпуклые глаза не склонны были мигать. Им было скорее свойственно медленно и тяжело опускаться в сладкой дремоте.

Грузный м-р Верлок не потирал себе поэтому рук от удовольствия и не подмигивал самому себе, подчеркивая этим, свои скептические мысли, а спокойно и тяжело ступал ярко вычищенными сапогами. Он имел вид обеспеченного ремесленника, но вместе с тем в нем было что-то странное, не присущее человеку, живущему честным трудом, нечто общее всем людям, экспортирующим для собственной выгоды

человеческие пороки и слабости, — особый отпечаток нравственного нигилизма, свойственного содержателям игорных притонов и разных вертепов, сыщикам, кабатчикам и до некоторой степени изобретателям патентованных целебных средств, электрических поясов и т. д. Впрочем, у людей последней категории бывает дьявольское выражение лица, а в лице м-ра Верлока не было абсолютно ничего дьявольского...

Не доходя до Найтбриджа, м-р Верлок повернул налево и свернул с улицы, по которой громыхали омнибусы и тихо скользили кэбы. Под шляпой, слегка сдвинутой назад, волосы его были гладко причесаны; он направлялся в одно из посольств и шел теперь по тихой аристократической улице, очень широкой и пустынной, производящей впечатление незыблемости и вечности. Единственным напоминанием о земной бренности была докторская карета, остановившаяся у одного из домов. Издали сверкали ярко вычищенные ручки домов, блестели темным блеском чисто вымытые окна. Кругом была тишина. Издали проносилась с звяканьем повозка молочника; из-за угла промелькнула двуколка мясника; кошка быстро пробежала с виноватым видом перед м-ром Верлоком и скрылась в подвале ближайшего дома. Толстый полицейский, с виду лишенный всякой способности чем-нибудь волноваться, вдруг появился откуда-то, точно выйдя из фонарного столба, и не обратил ни малейшего внимания на м-ра Верлока. Повернув налево, м-р Верлок пошел по узкой

улице вдоль желтой стены и затем вышел на Чешэм-Сквэр и подошел к дому под № 10. Он остановился перед монументальными воротами и постучался. Было так рано, что привратник посольства вышел к м-ру Верлоку, еще натягивая ливрею на красный жилет. При виде незнакомца, лицо его приняло суровый вид, но м-р Верлок показал ему конверт с гербом посольства и прошел дальше. Тот же талисман он показал лакею, который открыл входную дверь; тот отступил и пропустил его в приемную.

В большом камине ярко пылать огонь и спиной к нему стоял пожилой человек, во фраке, с цепочкой вокруг шеи. Он поднял глаза с газеты, которую держал развернутой в руках, но не двинулся с места. К м-ру Верлоку подошел другой лакей, в коричневой ливрее, обшитой узким желтым шнурком, спросил его имя, повел его по коридору налево, вверх по лестнице, покрытое ковром, и ввел его в маленькую комнату, где стояли большой письменный стол и несколько стульев. Затем лакей вышел и закрыл за собой дверь; м-р Верлок остался один. Стоя с шляпой и палкой в руках, он провел рукой по гладко причесанным волосам. В эту минуту открылась бесшумно дверь, и м-р Верлок, взглянув по её направлению, увидел черный сюртук, лысую макушку и седые бакенбарды, свисающие с двух сторон на морщинистые руки. Вошедший держал в руках пачку бумаг, поднося их близко к глазам, и подошел мелкими шагами к столу.

Чиновник Вурмт, правитель канцелярии в посольстве,

был близорук. Он разложил бумаги на столе, и тогда открылось его пухлое, грустное и очень некрасивое лицо в рамке длинных жидких седых волос. Он надел пенсне в черной оправе на тупой, бесформенный нос. Увидав м-ра Верлока, он видимо удивился. Он с ним не поздоровался, и м-р Верлок, зная свое место, тоже ничего не произнес и только почтительно наклонил спину.

– У меня тут несколько ваших донесений, – сказал бюрократ неожиданно мягким усталым голосом, ткнув пальцем в бумаги. Он остановился, и м-р Верлок, узнавший свой почерк, замер в ожидании. – Мы недовольны здешней полицией, – продолжал Вурмт усталым голосом.

М-р Верлок слегка пожал плечами.

– Какова страна, такова в ней и полиция, – сентенциозно заметил он; но так как правитель канцелярии продолжал упорно на него смотреть, он вынужден был прибавить: – Я позволю себе доложить, что не могу оказать никакого воздействия на здешнюю полицию.

– Было бы желательно, – сказал склонившийся над бумагами Вурмт, – чтобы произошло нечто решительное, что пробудило бы их бдительность. Ведь это вы можете устроить, неправда ли?

М-р Верлок ответил только неожиданно вырвавшимся у него вздохом. Потом, спохватившись, он постарался снова придать веселое выражение лицу. Вурмт продолжал несколько беспомощно мигать глазами, точно ему было больно даже

от слабого света в комнате.

– Необходимо пробудить бдительность полиции и повлиять на суды. Снисходительность здешних судов и полное отсутствие репрессивных мер возмущают всю Европу. Желательно было бы выяснить серьезность опасности – наличие брожения. Ведь оно несомненно существует.

– Конечно, – сказал м-р Верлок, несколько удивив собеседника своим твердым ораторским тоном. – Опасность существует. Мои донесения за весь год в достаточной степени это подтверждают.

– Я читал все ваши донесения за год, – сказал Вурмт мягким бесстрастным голосом. – Но я совершенно не понимаю, зачем вы их писали.

Наступило молчание. М-р Верлок точно проглотил язык, а Вурмт стал внимательно разглядывать бумаги. Наконец, он их слегка отодвинул.

– То, что вы доводите до нашего сведения, – снова заговорил он, – нам хорошо известно. Если бы не предполагалось опасности, вы бы не состояли у нас на службе. Донесения о том, что есть, бесполезны. Нужно вывести на свет что-нибудь новое, значительное, – какой-нибудь, я бы сказал, тревожный факт.

– Само собой разумеется, что мои усилия будут направлены на это, – сказал м-р Верлок с убежденной нотой в голосе. Но вид следящих за ним из-за стекол пенсне глаз Вурмта сильно его смущал.

Он замолчал, наклонив голову с глубокой почтительностью. Вурмт взглянул на него. Вдруг его что-то видимо поразило во внешности м-ра Верлока.

– Вы очень полны, – сказал он.

Это замечание задело м-ра Верлока, и он отступил на шаг.

– Что вам угодно было сказать? – спросил он несколько повышенным голосом.

Правитель канцелярии не захотел продолжать разговора.

– Вам лучше повидать м-ра Вальдера, – сказал он. – Это даже необходимо. Будьте любезны обождать его здесь, – прибавил он и вышел мелкими шагами.

М-р Верлок провел рукой по волосам. У него выступили капли пота на лбу, и он тяжело отдувался. Когда слуга в коричневой ливрее показался у дверей, м-р Верлок все еще не двигался с места. Он стоял неподвижно, точно его окружали со всех сторон ловушки.

Пройдя вслед за лакеем по коридору, освещенному одиноких газовым рожком, он поднялся по крутой винтовой лестнице и пошел по светлому корридору первого этажа. Затем его ввели в комнату с тремя окнами, устланную мягким толстым ковром. В глубоком кресле у письменного стола сидел молодой человек с крупным бритым лицом. Он говорил по-французски правителю канцелярии, выходявшему из комнаты с бумагами в руках:

– Вы совершенно правы, mon cher: он слишком толст...

М-р Вальдер, первый секретарь посольства, славился в са-

лонах как интересный, обходительный молодой человек. Он был даже до некоторой степени любимцем общества. Остроумие его заключалось в том, что он любил приводить в соотношение самые разнородные понятия. В подобных случаях он усаживался плотно на стуле, поднимал левую руку, как бы держа между двумя пальцами свой довод, а на круглом, гладко выбритом лице выражалось веселое недоумение.

Но никакого следа недоумения или веселости не было на его лице, когда он взглянул на м-ра Верлока. Откинувшись в глубоком кресле, широко разложив локти и закинув ногу за ногу, он строго взглянул на вошедшего.

– По-французски, полагаю, понимаете? – отрывисто спросил он.

М-р Верлок поспешил ответить утвердительно. Подавшись вперед всем своим плотным туловищем, он стоял неподвижно на ковре посреди комнаты, держа шляпу и палку в одной руке; другая безжизненно свесилась. Он робко напомнил, что служил во французской артиллерии.

М-р Вальдер сделал презрительную гримасу и неожиданно заговорил на чистейшем английском языке без тени иностранного акцента.

– Ах, да, я и забыл, – сказал он. – Подождите-ка... Сколько вам дано было за рисунок их новой пушки?

– Пять лет крепости, – неожиданно ответил м-р Верлок ровным голосом.

– Это вы еще легко отделались, – сказал м-р Вальдер. – Во

всяком случае, вам поделом. Зачем попались! Что вас побудило пойти на такую штуку?

М-р Верлок стал что-то бормотать про молодость, про роковую страсть к недостойной...

– Ага, *cherchez la femme*! – милостиво прервал его м-р Вальдер. В его тоне чувствовалась, однако, не любезность, а злобно-пренебрежительное отношение.

– Вы давно у нас на службе? – спросил он.

– Я служил еще при покойном бароне Стотт-Вартенгейме, – ответил Верлок тихим голосом и вытянул слегка губы с скорбным выражением, в знак сожаления о покойном дипломате. Первый секретарь заметил эту игру на его лице.

– А, так это он... Ну, что вы можете мне сказать? – отрывисто спросил он.

М-р Верлок ответил, что явился не потому, что сам имеет что-либо сообщить, а потому, что его вызвали письмом. Он было-засунул руку в карман, чтобы показать письмо, но, заметив насмешливое выражение на лице Вальдера, так письма и не вынул.

– Послушайте, – сказал Вальдер. – Почему это вы так располнели? Ваша внешность не подходит к вашей профессии. Разве вас можно принять за голодного пролетария? Ни в каком случае. Какой вы, чорт возьми, социалист, или, там, анархист, что-ли?!

– Анархист, – подтвердил м-р Верлок.

– Тах вам и поверят! – насмешливо сказал м-р Вальдер,

не поднимая головы. – Вот ведь даже старик Вурмт обратил на это внимание. Вы бы не провели самого глупого человека – глупы-то они все, конечно. Вы совершенно невозможны. Вы начали свою службу с того, что украли для нас образцы французских пушек и при этом сами попались. Это, было, конечно, весьма неприятно нашему правительству. Вы, по-видимому, не особенно ловкий человек.

М-р Верлок сделал усилие оправдать себя.

– Ведь я уже имел случай доложить вам, что вследствие роковой страсти к недостойной...

М-р Вальдер поднял белую, пухлую руку.

– Ах, да... Несчастливая привязанность вашей молодости! Она, конечно, выманила у вас деньги и затем выдала вас. Так ведь?

Грустное выражение на лице Верлока подтвердило, что, действительно, так дело и произошло. М-р Вальдер схватил руками перекинутое через другую ногу колено.

– Вот видите, вы попадаетесь в вопросах. Это хуже всего. Может быть, вы слишком чувствительны?

М-р Верлок пробормотал несколько хриплым голосом, что молодость его уже миновала.

– Этот недостаток не проходит с годами, – заметил м-р Вальдер с злорадством. – Впрочем, вы слишком толсты. Вы бы так не растолстели, если бы, действительно, принимали все близко к сердцу. Я знаю, в нем дело. Вы просто лентяй. Сколько времени вы состоите на жалованьи у нас в посоль-

стве?

– Одиннадцать лет, – ответил м-р Верлок после некоторого колебания. – Мне поручено было несколько миссий в Лондоне еще в то время, когда его превосходительство, барон Стотт-Вартенгейм, был еще посланником в Париже. Потом, по распоряжению его превосходительства, я поселился в Англии. Я ведь англичанин.

– Вы англичанин? Вот как!

– Да, я уроженец Англии и английский подданный, – сказал Верлок. – Но отец мой был француз, и поэтому...

– Ну, да все равно, – прервал его м-р Вальдер. – Плохо то, что вы ленивы и не умеете пользоваться обстоятельствами. Во времена барона Стотт-Вартенгейма, у нас тут было в посольстве много мягкосердечных простаков. Благодаря им, люди вроде вас составляли себе неверное представление о секретных фондах. Мой долг сказать вам правду, и прежде всего объяснить, что именно составляет назначение секретного фонда. Прежде всего, я вам должен сказать, что секретный фонд – не благотворительное учреждение. Я вас вызвал сюда именно для того, чтобы заявить вам это. – М-р Вальдер увидел по лицу Верлока, до чего он его поразил, и злорадно засмеялся.

– Я вижу, – сказал он, – что вы меня вполне поняли. Полагаю, что у вас хватит ума на то, что от вас требуют. Теперь нам нужна активная деятельность... активная деятельность.

Повторяя последнее слово, м-р Вальдер стукнул большим

белым пальцем по краю стола. М-р Верлок изменился в лице. У него покраснела шея над бархатным воротником пальто, и губы его дрожали, прежде чем они широко раскрылись.

– Если вы будете столь любезны просмотреть мои донесения, то увидите, – громко крикнул он густым ораторским басом, – что всего три месяца тому назад именно я предупредил об опасности приезда сюда принца Ромуальда. Мое предупреждение сообщено было по телеграфу французской полиции, и...

– Французская полиция не нуждалась в вашем предупреждении, – поспешно возразил м-р Вальдер, нахмутив брови. – Да не орите так. Что это за манеры!

М-р Верлок извинился в том, что забылся на минуту, но в его извинении прозвучала гордая нотка. Его громкий голос славился много лет на митингах под открытым небом и в больших рабочих собраниях. Благодаря зычному голосу, он и приобрел, по его словам, популярность среди товарищей.

– Меня всегда заставляли говорить в самые бурные минуты, – объяснил он м-ру Вальдеру. – Каков бы ни был гул, мой голос все-таки был слышен... Позвольте, продемонстрировать вам это, – предложил он вдруг м-ру Вальдеру, чтобы доказать, что он приносит пользу делу своими исключительными талантами. Не дожидаясь ответа, он слегка наклонил голову, быстро прошел через комнату и подошел к одному из больших окон. Точно повинувшись безотчетному порыву, он приоткрыл окно. М-р Вальдер в изумлении вынырнул из глу-

бин своего кресла и, подойдя к м-ру Верлоку, заглянул ему за плечо. Внизу, через весь двор посольства, за открытыми воротами, виднелась широкая спина полисмена. Он лениво поглядывал на колясочку, в которой везли гулять разряженного ребенка.

– Констебль! – позвал м-р Верлок без всякого усилия повысить голос, и м-р Вальдер расхохотался, увидав, что полисмен быстро обернулся, точно его ткнули в бок чем-то острым. М-р Верлок спокойно закрыл окно и вернулся на середину комнаты.

– Вот каким голосом – сказал он – я одарен от природы. И к тому же я всегда знаю, что следует сказать.

Поправляя постук, м-р Вальдер посмотрел на Верлока в зеркало над камином.

– Вы, вероятно, в достаточной степени владеете жаргоном социалистов-революционеров? – спросил он презрительным тоном. – *Vox et...* Латинскому языку учились?

– Нет, – злобно пробормотал Верлок. – Этого от меня, надеюсь, и не требуется. Зачем? Я принадлежу к миллионам простых людей. Кто знает латынь? Сотни жалких дураков, которые не умеют даже сами позаботиться о себе, на которых должны работать другие.

М-р Вальдер изучал еще с полминуты в зеркале заплывший профиль и толстую фигуру стоявшего за ним Верлока. В то же самое время он с удовольствием видел перед собой свое собственное лицо, гладко выбритое, розоватое, с тонки-

ми губами, как бы созданными для того, чтобы произносить тонкие, остроумные фразы, делавшие его любимцем самого избранного общества. Затем он обернулся и прошел на середину комнаты так решительно, что даже кончики его нажитого галстука, казалось, приобрели угрожающий вид. М-р Верлок искоса взглянул на него и внутренне вздрогнул.

– Ага, вы смеее говорить дерзости! – воскликнул м-р Вальдер со странным картавым выговором, поражая м-ра Верлока мастерской подделкой под простонародную речь. – Вот вы какой! Ну, так я объяснюсь с вами на чистоту. К черту ваш голос! Нам ваш голос не нужен. Нам нужны факты. Поражающие факты, черт возьми! – прибавил он, глядя Верлоку прямо в лицо.

– Убирайтесь во-свояси! – крикнул в ответ м-р Верлок тоже голосом рабочего на сходке.

М-р Вальдер насмешливо улыбнулся и перешел на французский язык.

– Вы выдаете себя нам за провокатора. А дело провокатора – создавать факты. Насколько я могу судить по вашим доносениям, вы не сделали ничего, чтобы заработать свое жалованье за последние три года.

– Ничего?! – воскликнул м-р Верлок, стоя неподвижно и даже не поднимая глаз, но с искренним чувством обиды в голосе. – Я несколько раз предотвратил...

– Здесь у вас говорят, что предотвращение лучше лечения, – прервал его м-р Вальдер, снова усаживаясь в кресло. –

Но это – глупое правило. В Англии только одно и знают, что предупреждать. Это очень характерно. Не любят и не умеют доходить ни в чем до конца. Не будьте слишком уж англичанином. И в данном случае – не будьте нелепы. Зло существует. Предупреждать поздно – нужно лечить.

Он остановился, повернулся к столу и, наклоняясь над бумагами, сказал изменившимся деловитым тоном, не глядя на м-ра Верлока:

– Вы, конечно, знаете о международной конференции, которая собирается в Милане?

М-р Верлок ответил хриплым голосом, что он читает газеты, а на дальнейший вопрос сказал, что, очевидно, понимает прочитанное. На это м-р Вальдер, слабо улыбаясь и глядя на бумаги, лежавшие перед ним, проговорил в ответ:

– Конечно, только в том случае, если газеты не написаны по-латыни.

– И не по-китайски, – решительно прибавил Верлок.

– Гм... Некоторые излияния ваших друзей – такая тарбарщина, что их язык не легче понять, чем китайский. – М-р Вальдер презрительно протянул Верлоку листки, напечатанные на сероватой бумаге. – что это за листки под инициалами «Б. П.» с пересеченными молотком, пером и факелом на заголовке? Что значит Б. П.?

– «Будущее Пролетариата», – объяснил м-р Верлок, подойдя в внушительному письменному столу. – Это – такое общество – не анархическое по существу, но открытое рево-

люционерам всех оттенков.

– А вы член этого общества?

– Я один из вице-президентов, – ответил м-р Берлов, переводя дыхание.

Первый секретарь посольства поднял голову и взглянул на него.

– В таком случае, стыдитесь, – сказал он ядовито. – Неужели ваше общество только то и в состоянии делать, что печатать вздорные пророчества на грязной бумаге. Почему вы ничего не предпринимаете? Говорю вам прямо: теперь это дело в моих руках, и я предлагаю вам заработать так или иначе свое жалованье. Времена старика Стотт-Вартенгейма прошли навсегда. Не заработаете – и денег не получите.

М-р Верлок почувствовал слабость в ногах. Он отступил на шаг, сильно встревоженный. Рыжеватый лондонский свет рассеял туман и осветил тепловатым блеском кабинет первого секретаря. Среди тишины м-р Верлок услышал тихое жужжание мухи у окна, первой мухи, возвещавшей приход весны. Напрасная суетливость маленького, энергичного организма была неприятна этому толстому ленивому человеку.

М-р Вальдер делал свои заключения, глядя на лицо и фигуру м-ра Верлока. Он находил его чрезвычайно вульгарным, неуклюжим и возмутительно неумным и непонятливым. У него был вид водопроводного мастера, пришедшего со счетом. Первый секретарь посольства считал именно этот класс ремесленников воплощением лени, непонимания и мошен-

ничества.

Так вот каков знаменитый тайный агент, которому так доверял и которого в видах конспиративности никогда не называл по имени, а только обозначал знаком А в официальной, полу-официальной и конфиденциальной корреспонденции барон Стотт-Вартенгейм! Вот этот знаменитый агент А, донесения которого могли менять планы путешествий высокопоставленных лиц и даже могли совершенно отменять эти путешествия. Вот он каков! – М-р Вальдер стал внутренне смеяться и над своим собственным наивным удивлением по этому поводу, и, главным образом, над глупостью покойного, всеми оплакиваемого барона Стотт-Вартенгейма. Покойный барон занимал пост посланника только вследствие особого благоволения к нему его державного повелителя. Это обстоятельство побеждало протесты против него министров иностранных дел. Он славился своей трусостью. Его преследовал страх социальной революции. Он воображал, что предназначен судьбой быть последними дипломатом на свете, и что ему придется видеть конец мира среди страшных народных волнений. Его пророческие, преисполненные ужаса донесения потешали в течение долгих лет все министерство иностранных дел. рассказывали, что на смертном одре, в присутствии удостоившего его своим посещением державного повелителя и друга, он воскликнул: «Несчастливая Европа! Ты погибнешь, благодаря нравственной извращенности твоих детей». – «Он должен был роковым образом сделаться

жертвой первого обманщика и негодяя, который попался на его пути», – подумал м-р Вальдер, неопределенно улыбаясь и глядя на м-ра Верлока.

– Вам следует чтить память покойного барона Стотт-Вартенгейма, – вдруг сказал он.

На потупленном лице м-ра Верлока отразилась досада.

– Позвольте напомнить вам, – сказал он, – что я явился сюда, потому что меня вызвали экстренным письмом. За одиннадцать лет моей службы я был здесь не более двух раз и, конечно, не в одиннадцать часов утра. Вызывать меня в такое время весьма неблагоразумно. Меня могут увидеть, а это, знаете ли, была бы не шутка для меня.

М-р Вальдер пожал плечами.

– Это уничтожило бы мою полезность, – продолжал Верлок, всплыв.

– Это ваше дело, – проговорил м-р Вальдер с ледяной вежливостью. – Когда вы перестанете быть полезным, вас удалят. Да, удалят. Вас... – м-р Вальдер остановился на минуту, нахмутив брови, и потом снова просиял и оскалил красивые белые зубы: – вас прогонят, – закончил он с злорадством.

М-р Верлок снова должен был напрячь все силы, чтобы побороть слабость в ногах. У него, действительно, по пословице, ушла душа в пятки. Преодолев себя, он поднял голову и смело взглянул м-ру Вальдеру прямо в лицо. Тот совершенно спокойно выдержал его взгляд.

– Нам нужно поднять дух у членов миланской конферен-

ции, – сказал он. – Мысль об организации международной борьба против политических преступлений не находит достаточного сочувствия. Англия не хочет примкнуть к организации. Удивительно нелепы они со своим преклонением перед кумиром свободы личности! Нельзя подумать без возмущения о том, что всем вашим приятелям стоит только приехать сюда...

– Зато они все у меня на виду, – прервал его м-р Верлок.

– Было бы гораздо лучше держать их всех под замком. Нужно довести до этого Англию. бессмысленная английская буржуазия становится сообщницей тех самых людей, цель которых – выгнать собственников из их домов и обречь их на голодную смерть. Пока у собственников еще есть в руках политическая власть, им следовало бы пользоваться ею для того, чтобы уберечь себя. Вы, я полагаю, согласны с тем, что средний класс отличается необыкновенной глупостью.

– Да, – согласился Верлок.

– У этих людей нет воображения. Они ослеплены идиотским тщеславием. Нужно их перепугать – тогда они опомнятся. И вот как-раз теперь психологический момент, когда нужно пустить в ход ваших друзей. Я вызвал вас, чтобы развить эту мысль.

М-р Вальдер стал развивать свой план очень свысока, презрительным тоном, обнаруживая в то же время большое невежество относительно истинных целей и методов революционеров. М-р Верлок был поражен. Первый секретарь по-

сольства непростительно смешивал причины со следствиями, самых выдающихся пропагандистов – с безрассудными бомбометателями, предполагал организацию там, где она не могла существовать в силу обстоятельств, говорил о революционной партии, то как о строго дисциплинированной армии, в которой слово вождя – закон, то как о шайке разбойников. Раз даже м-р Верлок раскрыл рот для протеста, но движение поднятой кверху красивой белой руки остановило его.

Вскоре он пришел в такой ужас, что даже не пытался возражать. Он слушал с безмолвным страхом, который мог казаться безмолвием глубокого внимания.

– Нужна серия преступных деяний, – спокойно продолжал м-р Вальдер, – совершенных здесь... именно совершенных, а не только задуманных; иначе это не произвело бы никакого впечатления. Ваши друзья могли бы разрушить огнем пол-Европы, и это бы не возбудило здесь общественного мнения в пользу карательных законов. Тут слишком привыкли думать только о себе.

М-р Верлок откашлялся, но у него захватило дыхание, и он ничего не сказал.

– Нет надобности в кровавых преступлениях, – продолжал м-р Вальдер, точно читая научную лекцию. – Нужно только придумать что-нибудь достаточно эффектное. Лучше всего, например, чтобы преступный замысел был направлен, например, против каких-нибудь зданий. Что, по-вашему, в

настоящее время, фетиш буржуазии? Что, мистер Верлок?

М-р Верлок развел руками и слегка пожал плечами.

— Вы слишком ленивы, чтобы подумать, — сказал м-р Вальдер, увидав его жест. — Обратите внимание на то, что я скажу. Современный фетиш — это ни монархическая власть, ни религия. Поэтому, оставим в покое церкви и дворцы. Вы понимаете меня, м-р Верлок?

Гнев м-ра Верлока нашел исход в игривости.

— Отлично понимаю. А как вы думаете насчет посольств? Серия покушений на равные посольства... — начал он, но не мог продолжать, не выдержав холодного, пристального взгляда первого секретаря.

— Вы умеете быть шутливым, — небрежно заметил тот. — Что ж, это недурно. Это оживляет, вероятно, ваше красноречие на социалистических конгрессах. Но тут не место шутить. Гораздо полезнее для вас тщательно выслушать то, что я скажу. Так как от вас требуют фактов, а не басен, то постарайтесь воспользоваться тем, что я беру на себя труд вам изложить. Священный фетиш наших дней — наука. Так почему вам не возбудить ваших друзей против этого деревянного идола? Разве наука не принадлежит в тем учреждениям, которые должны быть сметены с лица земли во имя торжества пролетариата?

М-р Верлок ничего не сказал, опасаясь, что у него вырвется крик негодования, если он раскроет рот.

— Вот что вам следовало бы организовать. Покушения на

людей, стоящих у власти, конечно, эффектны сами по себе, но уже не так, как прежде. Эта опасность стала как-то укладываться в общую схему жизни всех глав государств. Это уже стало банальным – особенно с тех пор, как убито столько президентов. Ну, а желание взорвать церковь, как оно ни ужасно на первый взгляд, все же не так сильно действует на умы, как может показаться человеку неопытному. До чего бы такое преступление ни было революционным и анархическим по существу, все же найдутся дураки, которые увидит в нем религиозную манифестацию; а это лишило бы террористический факт того специально пугающего значения, которое мы хотим ему придать. Взрыв ресторана или театра тоже может приобрести чисто политическое значение, казаться мстью голодных людей. Все это слишком использовано и уже не может служить предметным уроком для демонстрации революционного анархизма. Каждая газета имеет достаточно готовых фраз, чтобы уничтожить эффект таких манифестаций. Я вам объясню философию бомбометательства с моей точки зрения, т. е. по отношению к той цели, которой и вы, будто бы, служите одиннадцать лет. Я буду говорить очень просто. Чувствительность того общественного класса, на который вы нападаете, очень притуплена. Нельзя рассчитывать на длительность их чувств сострадания или страха. Только тот террористический факт может повлиять на общественное мнение, в котором нет ни тени мести и политического героизма. Он должен быть только актом разрушения и

больше ничего – ее иметь никакой другой цели. Вы, анархисты, должны ясно показать, что решились уничтожить весь общественный строй. Но как вдолбить такое представление в головы людей, чтобы не было на этот счет никакого сомнения? Вот в чем допрос – и вот ответ: нужно направить удары на нечто, стоящее вне обычных страстей человечества. Взрыв бомбы в Национальной галерее произвел бы, конечно, некоторый шум, но не оказал бы достаточного воздействия. Искусство никогда не было фетишем толпы. Это то же, что разбить окна в задних комнатах дома. Для того, чтобы действительно оглушить человека, нужно, по крайней мере, взорвать крышу над ним. За искусство и его права вступилось бы несколько художественных критиков и любителей искусства, – но кто бы стал обращать внимание на их жалобы и крики? Совсем другое дело – наука. В нее верит всякий болван, наживший состояние. Он сам не знает почему, но верит. Это – самый священный фетиш. Все профессора, конечно, – радикалы в душе. Но скажите им, что их идол должен быть свержен до имя будущности пролетариата, и эти ученые тупицы поднимут вой, который как-раз будет на руку миланской конференции. Они наводнят газеты очень удобными для нас статьями. Их негодование будет выше всяких подозрений, так как их видимых материальных интересов при этом не будете затронуто, и они возбудят эгоистический ужас в том классе, за который следует влиять. Имущий класс верит, что наука каким-то мистическим пу-

тем является истинным источником их богатства, и поэтому дикая манифестация против науки подействует сильнее за них, чем если бы взорвали на воздух целую улицу или театр, переполненный людьми их класса. В последнем случае, они решили бы, что это — только «классовая ненависть», — но что можно сказать о проявлении бессмысленной жестокой жажды разрушения — почти непостижимо-безумной? Безумие — вот что самое страшное: на него нельзя повлиять угрозами, убеждениями или подкупом, к тому же, я вовсе не убеждаю вас устраивать какую-то бойню. Я культурный человек и не желал бы пользоваться такими средствами, хотя бы для наилучших результатов. Но я даже не ожидал-бы никаких благотворных результатов от кровопролития. Убийство — явление обычное; оно ничего не меняет. Это — почти общественное учреждение. Демонстрация должна быть направлена против науки. И даже не безразлично, против какой. Нужно, чтобы покушение потрясло бесполезностью глумления. Так как вы орудуете бомбами, то следовало бы бросить бомбу в чистую математику. Но это, конечно, невозможно. Я развил вам высшую философию применения ваших сил и привел веские доводы. Практическое применение моих мыслей — уже ваше дело: Но и в этом отношении я могу снабдить вас еще кое-какими указаниями. Какого вы мнения о том, чтобы обрушиться на астрономию?

М-р Верлок стоял неподвижно, точно в столбняке, у кресла м-ра Вальдера, и только от времени до времени слегка су-

дорожно вздрагивал, как домашняя собака, свернувшаяся у камина, которую во сне мучат кошмары.

Он только повторил звуком, похожим на рычание:

– На астрономию?

Он еще не очнулся от оглушающего впечатления быстро произнесенной речи м-ра Вальдера. Он ее мог сразу усвоить себе его слов, и это его злило. К тому же, он не вполне доверял искренности своего собеседника, боялся, что тот над ним смеется, тем более, что м-р Вальдер сидел, улыбаясь, оскалив свои белые зубы, с ямочками на круглом лице. Любимец светских дам принял обычную позу, в которой он произносил свои тонкие, остроумные фразы в салонах. Слегка подавшись вперед, подняв белую руку, он как бы осторожно держал между двумя пальцами свой тонкий и убедительный довод.

– Ничего лучшего и придумать нельзя. Такого рода покушение соединяет наибольшую заботу о человечестве с угрожающим проявлением идиотской жестокости. Самый умный журналист не в состоянии будет убедить свою публику в том, что какой бы то ни было член пролетариата может питать личную вражду к астрономии. Тут уж нельзя объяснить дело голодом. Затем, этот план имеет еще много других преимуществ. Весь цивилизованный мир слышал про Гринвич. Чистильщики сапог у вокзала Чаринг-Кросс знают про Гринвич. Теперь вы поняли?

Лицо м-ра Вальдера, которое так нравилось в лучшем

обществе своей изящной веселостью, сияло теперь циничным самодовольством, которое бы изумило симпатизирующих ему светских дам.

– Да, – продолжал он с презрительной усмешкой: – если взорвать первый меридиан, то это вызовет вой и проклятие во всем мире.

– Это трудная штука, – пробормотал м-р Верлок, чувствуя, что только это ему и безопасно сказать.

– Почему? Ведь у вас в руках вся компания, самый цвет их шайки. Старый террорист Юат – в Лондоне. Я каждый день встречаю его на Пикадилли в его зеленой насадке. И Михаэлис, отпущенный на свободу апостол, тоже здесь – надеюсь, вы не скажете, что вам неизвестно, где он? Если не знаете, то я вам скажу, – продолжал м-р Вальдер с угрозой в голосе. – Если вы воображаете, что секретные суммы оплачивают вас одного, то ошибаетесь. А все лозанцы? Разве они не сбежались все сюда, как только зашла речь о миланской конференции? Здесь всех готовы приютить.

– Это будет стоить денег, – сказал м-р Верлок.

– На эту удочку меня не подденете, – возразил м-р Вальдер. – Вы будете получать свое месячное жалованье и ни гроша больше, пока чего-нибудь не устроите. А если и впредь ничего у вас не выйдет, то и этого вам больше не дадут. Какое у вас занятие для видимости? Чем вы живете, по общему мнению?

– У меня лавка, – ответил м-р Верлок.

– Лавка? Что за лавка?

– Канцелярские принадлежности, газеты. Моя жена...

– Ваша... что? – прервал м-р Вальдер.

– Моя жена. – М-р Верлок слегка повысил голос. – Я женат.

– Чорт знает, что такое! – воскликнул м-р Вальдер. – Женаты? – В голосе его послышалось искреннее изумление. – Что за глупости! Но, конечно, это только манера выражаться. Анархисты ведь не женятся. Это хорошо известно. Им нельзя. Это значило бы отречься от своих принципов.

– Моя жена не анархистка, – с досадой проговорил м-р Верлов. – К тому же, это вас совершенно не касается.

– Очень касается, – возразил м-р Вальдер. – Я начинаю думать, что вы вовсе не годитесь для службы у вас. Вы наверняка погубили себя в глазах своих товарищей вашей женитьбой. Неужели вы не могли обойтись без этого? И вот какова была ваша прежняя привязанность! Всеми своими привязанностями вы делаете себя совершенно непригодным для нас.

М-р Верлок ничего не ответил. Он вооружился терпением. На этот раз, впрочем, испытанию наступил конец. Первый секретарь закончил резко и отрывисто:

– Можете идти, – сказал он. – Нужен динамитный взрыв. Я даю вам месяц. Заседания конференции временно приостановлены. Прежде чем они возобновятся, здесь должно что-нибудь произойти, или вы лишаетесь службы.

Переменив опять тон, со свойственной ему неустойчивостью, он заговорил дружески.

– Подумайте о моей философии, м-р Верлок, – сказал он на прощанье. – Направьте свои усилия на первый меридиан. Вы не знаете среднего класса так, как я. рассчитывать на их чувствительность нельзя. Первый меридиан – это на них действует. Это – самое лучшее, да, по-моему, и самое легкое.

Он встал с кресла и, сжав тонкие губы с усмешкой, стал смотреть в зеркало над камином, как м-р Верлок тяжеловесно выходил из комнаты, держа в руке шляпу палку. Дверь закрылась.

Лакей в ливрее, вдруг появившийся в коридоре, провел м-ра Верлока по другой дороге через маленькую дверь в другой угол двора. Привратник у главных ворот не видал, как они вышли, и м-р Верлок направился домой как во сне. Он настолько забыл обо всем окружающем, что хотя его земная оболочка двигалась неспешно по улицам, духом он как бы в ту же минуту очутился у дверей своей лавки, точно прилетел с запада на восток на крыльях сильного ветра. Он прямо прошел за прилавок и сел на деревянный стул за ним. Никто не нарушал его уединения. Стэви, на которого надели зеленый люстриновый передник, подметал лестницу и сметал пыль, ревностно и добросовестно выполняя порученное ему дело, точно это была интересная игра. М-сс Верлок была в кухне. Услыхав дребезжащий звук колокольчика, она только подошла в стеклянной двери, ведущей из внутренних ком-

нат в лавку, и, слегка отдернув занавеску, заглянула в тускло освещенную лавку. Увидав, что муж сидит мрачный, тяжело-весно опустившись на стул, сдвинув далеко назад шляпу, она сейчас же вернулась в плите. Через час она сняла зеленый передник с своего брата Стэви и велела ему вымыть руки и лицо. Она говорила с мальчиком властным тоном, которым влияла на него с самого детства. Перестав на минуту мыть посуду, она тщательно осмотрела лицо и руки Стэви, когда он подошел в кухонному столу показать ей, что приказание её выполнено. Прежде эта формальность предобеденного омовения совершалась из страха перед гневом отца, но кротость м-ра Верлока в домашнем обиходе разрушала всякую возможность ссылаться на его гнев. Даже Стэви, при всей его нервности, не поверил бы. Поэтому Винни пользовалась другим доводом. Она говорила, что м-ру Верлоку было бы чрезвычайно больно и неприятно, если, бы за обеденным столом не соблюдалась полная чистота. Винни почувствовала большое облегчение после смерти отца в том, что ей уж больше не придется дрожать за бедного Стэви. Она не могла выносить, чтобы обижали мальчика. Это сводило ее с ума. Когда она была маленькой девочкой, она бросалась на отца, сверкая глазами, чтобы защитить брата. А теперь по спокойной наружности м-сс Верлок никак нельзя было бы предположить, что она способна в проявлениях страстных чувств.

Она кончила накрывать стол к обеду. и, подойдя в лестни-

це, крикнула: – Мама! – Затем, открыв стеклянную дверь в лавку, она спокойно сказала: – Адольф. – М-р Верлок сидел в той же позе, очевидно, не шевельнувшись в течение полутора часа. Он грузно поднялся и вышел к обеду в пальто и шляпе, не говоря ни слова. Его молчание само по себе не было столь необычным в жизни этой семьи, ютившейся в мрачной улице, куда редко заглядывало солнце, проводившей дни за полутемной лавкой, где продавались подозрительные дрянные товары. Но в этот день в молчании м-ра Верлока чувствовалась глубокая задумчивость, которая произвела сильное впечатление на обеих женщин, они сидели сами молча и только следили глазами за бедным Стэви, боясь, чтобы он как-нибудь не впал в припадок говорливости, что с ним иногда случалось. Но он спокойно сидел против м-ра Верлока и молча смотрел в пространство. Забота о том, чтобы мальчик не раздражал хозяина дома своими странностями, омрачала жизнь этих двух женщин. «Этот мальчик», как они его называли, говоря о нем между собою, был источником больших забот для матери с самого дня своего рождения. Его отец при жизни чувствовал себя униженным тем, что у него сын с такими странностями, и его обида на судьбу выражалась в суровом обращении с мальчиком. Потом, после его смерти, нужно было удерживать Стэви от того, чтобы он не раздражал жильцов. И после того самый факт его существования был для его матери источником больших тревог. – Если бы ты не вышла замуж за такого хорошего человека – говорила

вдова своей дочери, – то я не знаю, что случилось бы с бедным мальчиком.

М-р Верлок относился к Стэви очень терпимо, – как человек, не особенно любящий животных, отнесся бы к любимой кошке своей жены. Обе женщины считали, что большего нельзя было и требовать. За это одно мать Стэви питала бесконечную благодарность к своему зятю. В первое время она еще иногда, изверившись в доброте людей в течение своей долгой жизни, тревожно спрашивала дочь: – Тебе не кажется, дорогая, что м-ру Верлоку хотелось бы избавиться от Стэви? – В ответ на это Винни обыкновенно только слегка качала головой. Только раз она сказала странным, угрюмым и вместе с тем вызывающим тоном: – Для этого ему пришлось бы раньше избавиться от меня. – Последовало долгое молчание. Мать старалась проникнуть в смысл этого ответа, поразившего ее глубиной затаенных в нем чувств. В сущности она никак не могла понять, почему Винни вышла замуж за м-ра Верлока. Брак этот был очень благоразумен, и дочери её жилось, по-видимому, теперь хорошо, но все же было бы естественно, если бы Винни выбрала какого-нибудь более подходящего по возрасту спутника жизни. За нею ухаживал один милый молодой человек, единственный сын хозяина мясной лавки на соседней улице. Правда, он пока жил еще на иждивении отца, но дела отца шли хорошо, и будущее молодого человека было обеспечено. Винни он нравился. Она ходила с ним гулять по воскресеньям; он водил ее

часто в театр. Но как раз тогда, когда мать уже начала бояться, что вот-вот дочь объявит ей о своей помолвке (как бы она стала управляться одна с большим домом, имея на плечах такую обузу, как Стэви?) роман между Винни и сыном мясника круто оборвался. Винни ходила несколько времени с очень грустным лицом. Но вскоре Провидение послало им м-ра Верлока, который занял лучшую комнату в первом этаже. О молодом сыне мясника уже не было больше речи. Очевидно, само Провидение так устроило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.